

МЫСЛЬ Д. С. ЛИХАЧЕВА И КУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИС ФРАНЦУЗСКОЙ ЭЛИТЫ XXI ВЕКА. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ *НОМО EURAMERICANUS*

Оливье Рокпло, доктор исторических и политических наук, бывший советник спецпредставителя Франции в РФ

Ключевые слова: Д. С. Лихачев, французская элита, культурный кризис, ЕС, историко-культурная память, Май 68-го, американизация, дипломатия

Аннотация

Здесь мы рассмотрим в основном проблему французского культурного кризиса в свете идей и концепций академика Лихачева, а также его последствия для франко-российских отношений и в целом для отношений Франции с миром. Этот кризис связан с появлением нового человека, которого я называю Ното Euramericanus и который больше не является ни французом, ни европейцем, ни североамериканцем, а представляет трансатлантическую эрзац-культуру, потерявшую свои ориентиры и даже территорию. Статья позволит идентифицировать Ното Euramericanus, отчасти определить его, не выходя за рамки введения в проблему столь значительного масштаба. Идеи Лихачева, однако, дают нам возможность правильно понять ставшую фундаментальной проблему Ното Euramericanus. Последний не простой культурный гибрид, а настоящий новый человек, особенность которого заключается в том, что он потерял память, историю, а значит, и существенную часть своей культуры и не может больше понять мир, в котором живет, и поэтому абсолютно зависим от иностранного влияния. Лихачев считал, что культура не может существовать долго, если в ней отсутствует фундаментальная часть. Оправданные, как выяснилось, тревожные прогнозы академика были в полной мере реализованы новым нигилистическим, варварским и теперь уже откровенно воинственным человеком, который с 2007 года заметно

доминирует во Франции. В действительности, как справедливо считал Лихачев, единственным реальным базисом общества является не экономика, а культура.

Нация не должна забывать о причинах,
по которым она может ценить себя
Альбер Камю

Великое наследие литературоведа и мыслителя Д. С. Лихачева до сих пор остается малоизвестным во Франции. Лишь одна докторская диссертация, хотя и очень важная, была посвящена ему: «Д. С. Лихачев. Историческая поэтика русской литературы X–XX веков» (Ф. Лесурд, 1988). Лихачева, безусловно, читают и комментируют специалисты по древнерусской литературе (П. Гонно, А. Лавров, В. Водов, Ж.-П. Арриньон, М.-К. Шауб), что позволило мне самому открыть его для себя (*Roqueplo O. La Livonie dans le Livre des Degres. Образ Ливонии в Степенной книге 2003 г.*). Но известность Лихачева не вышла за пределы узкого круга россиеведов.

Между тем актуальность идей Лихачева в современной Франции трудно переоценить. В начале XXI века Франция столкнулись с острым культурным кризисом. Лихачев предвидел такого рода кризисы, когда говорил о необходимости того, что он называл экологией культуры. Более того, академик утверждал, что проблема конфликтов и их разрешения напрямую вытекает из проблемы культурного невежества. Ухудшение отношений между Францией (и другими странами Европы) и Россией в 2014 году и его усугубление в 2022-м — это результат процесса, описанного Лихачевым.

Здесь мы рассмотрим в основном проблему французского культурного кризиса в свете работ и концепций Лихачева, а также последствия этого кризиса для франко-российских отношений и в целом для отношений Франции с миром.

Этот кризис связан с появлением нового человека, которого я называю *Nomo Euramericanus* (или, по словам Р. Дебре, «галло-американцем» [1]), который не является ни французом, ни европейцем, ни североамериканцем, а

представляет трансатлантическую эрзац-культуру, потерявшую ориентиры и даже свою территорию. Статья позволит нам идентифицировать такого Номо Euramericanus и отчасти описать его, не выходя за рамки введения в проблему столь значительного масштаба.

Пример Франции многогранен. С одной стороны, в Европе Франция и ее культура достаточно велики, в отличие, например, от стран Скандинавии, а исторически они являются важным ориентиром для всей Европы и многих других стран мира. С другой стороны, французская культура официально стремится противостоять культурной глобализации (см. закон Ж. Тубона от 4 августа 1994 г.; документы по реализации поддержки международной франкофонии), чего нельзя сказать о Нидерландах или государствах Центральной Европы. Французская культура также явно и радикально отличается от культуры Северной Америки, в то время как общие черты США, Скандинавии и Нидерландов (северогерманское происхождение, протестантизм, ранний либерализм) отчасти объясняют мощный процесс культурной интеграции, который сделал английский язык почти доминирующим в этих странах Северной Европы [2]. Наконец, в отличие от Германии, Франции не пришлось пережить травму национального краха, поэтому она может открыто смотреть в глаза миру и истории. Таким образом, Франция, наряду с Италией и Испанией (менее влиятельными странами), является наследницей Римской империи и во многом благодаря этому обладает сильной, гордой и живой культурой.

Более того, Франция (что логично) играет особую роль в международных культурных отношениях. Штаб-квартира ЮНЕСКО находится в Париже, и Франция входит в число тех стран, которые внесли наибольший вклад в сохранение мирового культурного наследия. Это, в частности, связано с политикой культурного исключения, на которой настаивал писатель и государственный деятель Андре Мальро и которую Франция проводит с 1959 года. Согласно данной концепции художественные произведения, в том числе драматургические, кинематографические и телевизионные, не могут

продаваться и покупаться, как другие товары, поэтому на них не должны распространяться обычные правила рынка. Со знаменитой речи Мальро в ЮНЕСКО в 1960 году началась первая международная кампания по сохранению культурных шедевров. Подход российского ученого Дмитрия Лихачева и его Декларация прав культуры 2001 года во многом созвучны идеям француза Мальро.

Исследовать культурный кризис во Франции — значит, изучать его в стране, где он наименее разрушителен, и прогнозировать последствия для остальных стран ЕС, добавляя, что Балканы, кажется, следуют другой логике из-за их радикальных отличий, похожих на отличия самой России.

Рассмотрим проблему *Homo Euramericanus* с исторической, антропологической и геополитической точек зрения.

Кризис культуры французских элит: от 1940 года и мая 1968-го до вокизма и новых видов варварства 2010-х годов

Французская культура, бесспорно, — одна из самых ярких в Европе. Наше богатейшее литературное наследие создавалось в течение нескольких столетий, начиная со Средних веков. В XX веке благодаря техническому прогрессу стартовало бурное развитие и других видов искусства. Так, к началу 1940-х годов Франция переживала золотой век кино, но в это время в стране начался острый нравственный кризис, вызванный военным разгромом и немецкой оккупацией. Следствием стал раскол общества на три антагонистические группы:

— большой центристский (консервативный и социалистический) коллаборационистский блок, который смирился с поражением и перестал верить в обоснованность французской модели развития, в том числе культурного;

— голлистские националисты (правые и левые), не признавшие поражения;

— коммунисты, вдохновленные примером СССР, которые боролись против Рейха во имя рабочего класса Франции.

Этот раскол имеет фундаментальное значение для понимания французской культуры XX века и ее современных тенденций. Освобождение Парижа в 1944 году обеспечило временное превосходство голлистских и коммунистических сил Сопротивления, но в 1946 году у власти фактически вновь оказались центристы, которые во время войны сотрудничали с Рейхом и не верили в успех Парижского восстания. Из-за политики центристов начался культурный кризис, поскольку они были по-прежнему готовы стать сателлитами более сильных держав. Этот кризис сделал возможным массовое англосаксонское культурное вмешательство. С конца 1940-х годов эта политика привела, например, к созданию Высшей школы социальных наук, колыбели «американских левых», с целью уравновесить влияние Национального центра научных исследований, который считался слишком прокоммунистическим. Именно в этот период зародился Номо Euramericanus, этот культурный гибрид без корней, который не является ни европейцем, ни североамериканцем.

Режис Дебре говорит, что современные французы — это галло-американцы. «В каждом из нас есть что-то от Джонни Холлидея», — говорит президент Макрон. А что такое феномен Джонни Холлидея, если не американская мечта? Когда он скончался, миллион французов пришли на Елисейские поля, чтобы принять участие в траурной процессии, и Макрон произнес речь в его честь. Холлидей — франко-бельгийский рок-певец, который на протяжении всей своей карьеры пытался копировать Элвиса Пресли, очень популярный среди мелкой буржуазии и частично среди рабочего класса.

Однако надо подробнее описать появление Номо Euramericanus. Английский язык стал языком глобализации и все шире распространяющихся электронных технологий. Это подразумевает определенную аккумуляцию всего мира, особенно элит и молодежи, через субкультуру *globish*. Однако для возникновения Номо Euramericanus этого недостаточно — необходимо еще стереть культурную и историческую память и отказаться от своего наследия, о чем писал Юрий Лотман [36].

Разумеется, этот процесс во Франции не является всеобъемлющим. Везде

есть местные ученые, люди, укорененные в своей культуре и истории. Однако некоторые категории населения страны уже стали настоящими Номо Euramericanus. Это политико-экономическая элита, рекламщики и журналисты, некоторые учителя и ученые, но в первую очередь — не очень образованные, нацеленные исключительно на потребление представители мелкой буржуазии. Именно они были «людьми, которые плакали по Холлидею». Против этих четырех социальных групп выступает огромная и очень разнообразная часть французских граждан, которая сопротивляется: ученые, духовенство, деятели культуры, защитники культурного наследия, особенно местного, носители истинно культурного сознания независимо от их социального происхождения, а также очень большая доля рабочего класса — наследники политической культуры коммунистического и голлистского сопротивления.

В то же время следует помнить, что за пределами Европы патриотизм, национализм и память о колониальных угрозах выполняют функцию защиты против Номо Euramericanus, а в Турции и Мексике такой защите способствует еще и разрыв в уровне развития по сравнению с США. Хотя отдельные случаи можно наблюдать по всему миру, феномен Номо Euramericanus в масштабах всего руководства страны пока можно встретить только в ЕС (хотя не исключено, что это может произойти еще и, например, в Южной Корее, что породит к образованию Номо Amerasiaticus). В одних странах ЕС это явление распространено больше, в других меньше, но на уровне элит оно кажется само собой разумеющимся, в том числе потому, что национализм везде был подавлен еще в 1968 году, а колониальной угрозы, способной напугать и предупредить их, не существовало.

Номо Euramericanus не теряет свой язык во Франции. Французский язык испытывает сильное влияние английского, но не находится под угрозой исчезновения. Однако французская культура подвергается серьезной опасности.

Д. С. Лихачев утверждал, что литература — это исконная основа культуры, моральных и духовных ценностей общества и что она всегда может служить их восстановлению: «литература... это неисчерпаемый источник нравственных

сил» и «нравственного самоочищения» [35]. Он был прав. Но с появлением телевидения и Интернета новый социокультурный фактор, похоже, изменил ситуацию. Как написал в 2017 году Режис Дебре, «мы перешли от графосферы к видеосфере. А видеосфера — это Америка. Как только вы включаете свой компьютер, ваш язык и мышление формируются под влиянием идеалов, норм и слов, пришедших из-за Атлантики» [3]. На практике это означает, что XXI век заставил конкурировать изображение и письменное слово, и что «картинка» и видео, более примитивные и доступные для понимания необразованной аудитории, почти одержали верх над текстом. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что даже серьезные научные работы сопровождаются презентациями в PowerPoint. Текста становится недостаточно, что свидетельствует о регрессе и снижении роли слова.

Влияние США заметно во всем мире, и в значительной степени американизация Франции и других стран — это просто эффект глобализации. Но Homo Euramericanus явно отличается от других «американизированных» людей степенью культурной зависимости. В его случае она полная, и он сознательно стремится стать американцем, отказываясь от родной культуры. Это было невозможно ни в 1950-х, ни в 1960-х годах.

Цветная антикультурная революция, произошедшая во Франции в мае 1968 года, во многом стала следствием влияния взглядов немецко-еврейского философа Герберта Маркузе, представителя Франкфуртской школы, одного из руководителей ЦРУ в ФРГ, который отвечал за политику «денацификации». Именно в этом контексте он постепенно стал основателем политического направления *The New Left*. Его сторонники считали, что поскольку все вопросы материального существования решены капитализмом, то моральные обязательства и запреты больше не актуальны, поэтому можно перейти к реализации сексуальных инстинктов человека путем их освобождения. Он поддерживал свободное выражение левых идей, псевдо-маоизм (выступив за маоизм в 1968 г. [3]) и права меньшинств, потому что они представляют «партию терпимости», а также запрет на деятельность правых (националистических) сил,

потому что они являются «партией нетерпимости». Маркузе выступал против любого контроля и цензуры, являющихся, по его мнению, источниками угнетения [4].

Это то, чем является движение «Май 1968-го», поддерживаемое ситуационистами Ги Дебором и Кон-Бендитом, а также троцкистами и псевдо-маоистами. Это либертарианское движение Rock и все то, что оно представляет: антипатриотизм, анти-иерархию, анти-общество и антикультуру; оно осуждает театры Парижа, Лиона, Авиньона, потому что это очаги классической культуры, соперники Rock и New Left.

В то же время движение не является антикапиталистическим, а его идеология довольно слабая. Главный лозунг, выдвинутый Кон-Бендитом, — «запрещать запрещается». Но по сути это было движение, направленное на разрушение культуры в том виде, в котором она существовала до 1968 года, поскольку она не предусматривала обновления социальных, моральных и культурных ценностей по сценарию «насмешка–деконструкция–разрушение» [5]. Ни один из студенческих лозунгов мая 1968 года не был позитивным. Это была битва против корней и основ порядка, что бы этот порядок собой ни представлял. Как и следовало ожидать, стремление к культурному опустошению открыло двери для американизации общества.

Таким образом, май 1968-го стал тем катаклизмом, который буквально дезориентировал все общество и в первую очередь самую молодежь. Pensee 68 («Мышление 1968 года») отражает нигилизм, который наглядно проявляется в моральном и художественном кризисе 1970-х годов, когда кино показывает пустоту. Pensee 68 начинается как «юношеское варварство» и постоянное отрочество. Логично, что после мая 1968-го стали разрешены и возможны любые выступления вплоть до беспорядков. О степени блуждания, порожденного этой революцией, можно судить по профилям лидеров. Так, Кон-Бендит жил в мире, который не был ни европейским, ни американским, и метался между высокой буржуазностью, салонами Сартра, наркотиками, педофилией, крайне левым терроризмом Ханса-Йоахима Кляйна и бандитизмом

Пьера Гольдмана.

Вся интеллигенция, в основном левых взглядов, и в конечном счете почти вся французская элита, по сути, вышедшая из одной школы — парижской Sciences Po, приняла Pensee 68, которая продолжает прямо или косвенно доминировать в средствах массовой информации и в сознании правящих элит. Начиная с мая 1968 года все, что напоминало об авторитетах или наследии прошлого, высмеивалось, особенно понятие национальной привязанности под влиянием денацификации Маркузе. Тем временем Pensee 68 получила поддержку влиятельных теоретиков — Ж. Лакана, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делёза (группа «французской теории») и педофилов [6], стремящихся защищать исключительно «угнетаемые» меньшинства, как Маркузе. Они делегитимизируют власть большинства и деконструируют все социальные институты: семью, церковь, государство, профсоюзы, школу...

Затем они начали деконструировать все формы идентичности — социальной, культурной, сексуальной, биологической. Эти философы изменили доминирующий образ мышления и публичные ценности французского общества и до сих пор определяют их в общественных дискуссиях.

Наконец, с 1981 года, когда к власти пришли сторонники Pensee 68, всем СМИ навязывалась упрощенная схема «патриотизм = национализм = фашизм = абсолютное зло», которой, как предполагается, должна противостоять формула «космополитизм = либертарианская левая = антифашистское сопротивление = демократия = абсолютное добро».

С тех пор все публичные дебаты систематически вращались вокруг этой ложной поляризации внутренней и внешней политической жизни Франции. Примеры легко найти среди множества публикаций в СМИ. Дебаты по фундаментальным вопросам XXI века, таким образом, постепенно сужаются вплоть до «единственной мысли» (*pensée unique*). Такое резкое обеднение дебатов стало возможно лишь при условии предварительного стирания культурной и исторической памяти.

Бунт буржуазной молодежи в мае 1968-го привел, помимо прочего, к

деформации образования. Все, кто учился в школе после 1968 года, столкнулись с общим снижением качества и объема образования. Внешне оно стало более демократичным и доступным, но по сути оно постепенно ухудшалось. По оценкам Режиса Дебре, в 2015 году сын руководителя делал в пять раз больше ошибок во французском языке, чем сын рабочего в 1930-м [7]. Главным следствием этого становится утрата многовековой культурной и исторической памяти, остается лишь память о периоде после 1945 года. Мы вернемся к этому во второй части статьи.

Одержав первую победу, Pensee 68 спровоцировало вторую волну идеологического и культурного вторжения во Францию, начиная с 2010-х годов, с гендерной теорией, с одной стороны, и вокизмом — с другой. Здесь я остановлюсь только на второй теме.

Идеология вокизма [33], как и многие другие, не является культурным феноменом. Изначально он был призван пробудить и освободить сознание чернокожих американцев от англосаксонского культурного господства. Но он быстро превратился в оружие массового культурного уничтожения: его целью было делегитимизировать, осудить и затем стереть культурную память, которая, как считают вокисты, ограничивает свободу, и заменить ее другой, специально изобретенной для этой цели. Именно так Лихачев определяет разрушение культуры в своей теории культурной экологии.

Североамериканский вокизм импортируется во Францию либерально-либертарианскими организациями, в частности, некоторыми сообществами чернокожих жителей стран Карибского бассейна. Он все чаще бросает вызов основам французской культуры. Вот один пример, иллюстрирующий чрезвычайную опасность вокизма [8]. В феврале 2023 года молодой активист-вокист обвинил Жана де Лафонтена в том, что его басни якобы были плагиатом текстов Эзопа. Последний же, как утверждается, был чернокожим африканцем. Предлог смехотворен — достаточно прочитать Эзопа на греческом и Лафонтена на французском. Но вред нанесен: молодежь начинает сомневаться в Лафонтене — одном из столпов европейской литературы и основателей

классического французского языка. Вокисты пытаются подорвать авторитет Лафонтена, а затем «отменить» его. Стирая Лафонтена из сознания тысяч молодых людей [9], вокисты создают ситуацию, когда в ближайшем будущем можно будет стереть всю классическую французскую культуру. Опасность колоссальна, особенно если учесть, что вокисты получают не только деньги за совращение молодых людей, но и прямую власть над ними, так как вокист Пап Ндиайе с 2022 года является министром национального образования в правительстве Макрона.

Лихачев писал о том, что для поддержания культуры жизненно важна роль школ и университетов [37]. Именно здесь кроется сила вокизма с его всепроникающими политическими и социальными щупальцами.

Следует подчеркнуть, что вокизм неслучайно до такой степени разрушителен: он родился в сообществе, которое в свое время подверглось культурному краху. Особенность чернокожего населения стран Северной Америки и Карибского бассейна заключается в том, что они являются потомками рабов, которых вынудили отказаться от своего языка культуры, смешав их так, что они не могут понять друг друга, и превратить в покорных рабов. Именно это культурное опустошение стало болезнью, распространяемой по всем континентам.

Наконец, решающим в истории культурного кризиса Франции стал 2012 год, когда было принято решение об окончательной отмене преподавания древнегреческого и латыни в средних школах. А ведь это глубочайшая основа французской культуры — фундаментальных трудов в области науки и искусства, литературной классики; на этих языках были написаны священные тексты, философские трактаты, на основе латыни сформировался французский язык... Это, несомненно, самый острый кризис, потому что он выкорчевывает культурные корни. Именно на это указывал Лихачев, когда говорил: «Колоссальный удар русскому языку, а следовательно, и русскому понятийному миру принесло после революции запрещение преподавания Закона Божия и церковнославянского языка. Стали непонятными многие выражения из псалмов,

богослужения, Священного Писания (особенно из Ветхого Завета) и т. д. Этот огромный урон русской культуре еще придется изучать и осмысливать» [38].

Лихачев отмечал, что когда исчезает или разрушается хотя бы один существенный элемент то или иной культуры, то в конечном счете под угрозой оказывается вся культура [39].

Греки и римляне считали варварами тех, кто не владел их прекрасными языками. Таким образом, французы в 2012 году вступили в эпоху варварства, они становятся жертвами войны против их культуры. Можно ли считать случайностью, что в том же году были легализованы однополые браки? А в 1968 году нападки на театры происходили одновременно с пропагандой разнузданной сексуальности и педофилии. Нравственность, как отмечает Лихачев, неотделима от культуры.

Номо Euramericanus: человек у реки Лета и педократ

Дипломатическая, идеологическая и даже военная конфронтация между странами Западной Европы (включая Францию) и Россией, начавшаяся в 2014 году и обострившаяся в 2022-м, напоминает нам о важности лихачевского мышления в области мира. Сегодняшняя евро-российская конфронтация, из которой мы здесь упомянем только франко-российское измерение, действительно является войной постмодернистского мракобесия. Лихачев писал:

«А прочный гражданский мир возможен только на основе культуры. Многие наши трагические конфликты в значительной мере происходят от бескультурья, от несдержанности в выражениях, от неумения выслушать оппонента, убедить его» [45].

Современная Франция с 2022 года в той или иной степени реализует идею запрета русского искусства, литературы, классической музыки в рамках «политических санкций», которые вторгаются даже в культурное поле, по просьбе украинского [10] и британского [11; 12] правительств, утверждающих, что культура — это третий фронт войны, которую они ведут против России,

наряду с военно-политическим и экономическим фронтами. Это, конечно, возмутительно, это действительно мракобесная война, преступление против культуры и этническая ненависть (которая также прямо или косвенно затрагивает большинство украинцев, разделяющих эту культуру). И, как прекрасно понимал академик Лихачев, это мракобесие делает мир невозможным, а войну неизбежной. Но этот третий фронт закономерен, поскольку, как признавал ученый, культура — это вопрос духовной безопасности того или иного народа [13], в тотальной войне враг атакует и культурную безопасность тоже.

Лихачев настаивал на понятии «бескультурье», и с ним можно только согласиться. Геополитические конфликты неизбежны, напряженность возникает часто, но их разрешение всегда возможно при условии сохранения культурной связи с другой стороной. Эта связь включает не только дипломатические усилия, но и знание другого, желание понять его, хотя бы для того, чтобы контролировать или «победить». Разрыв культурного и даже научного сотрудничества между французами и россиянами — неслыханное явление во времена холодной войны — чрезвычайно опасен, поскольку эти два народа представляют собой важнейшие исторические полюса культуры на европейском пространстве.

В этом кроются истоки не самого конфликта, а неспособности его контролировать, что было возможно даже в условиях напряженности в годы холодной войны. Сегодняшние французские лидеры больше не знают Россию — ни ее языка, ни истории, ни культуры. В 1990-х годах русский язык постепенно исчез из школ и сегодня не преподается, что оказывает решающее влияние на уровень знаний о России во французском обществе, в том числе в академической среде. То же можно сказать и о других иностранных языках. Между тем Лихачев утверждал, что образование лежит в основе любых контактов человека с национальной и мировой культурой [14].

Российская история тоже почти неизвестна во Франции, прежде всего история отношений между нашими странами. Она отсутствует в сознании

поколений, родившихся после 1950 года. Этот пробел очень заметен. Вспомним дебаты между Жаком Шираком и Лионелем Жоспеном в 2002 году, когда Жоспен без усилий цитировал Лермонтова [15]. Правда, Жоспен был антисоветчиком, троцкистом и участником протестов в мае 1968-го, но он родился в 1937 году, поэтому получил хорошее классическое образование. Следует упомянуть также Жана-Пьера Шевенмана (1939 г. р.), на стороне которого я сам выступал в 2017–2019 годах. Политик и государственный деятель левого толка, но он был способен наладить контакт с Россией, в том числе в период высокой напряженности после 2014 года, потому что из истории он помнит как об альянсе России и Франции в 1894–1917 годах, так и о войнах — Крымской, наполеоновских, Семилетней. Он знает, что Россия — европейская страна, которая является частью общей европейской (в том числе французской) памяти. В 2014 году он участвовал во франко-российском мероприятии в память о 1914-м.

Но эти лидеры представляют уходящее поколение. У поколения сегодняшних лидеров, независимо от уровня их образования, нет этой исторической памяти, потому что, как писал Ю. Лотман, их память стерта и переписана державами, которые хотят уничтожить и французскую, и русскую культуру, и делают это очень умело начиная с 1968 года. Николя Саркози (1955 г. р.), Франсуа Олланда (1954 г. р.), Эмманюэля Макрона (1977 г. р.) объединяет то, что на них оказали решающее влияние события 1968 года, которые произошли либо в их школьные годы, либо задолго до них. В отличие от людей, родившихся до 1950 года (которых можно считать последним поколением долгой памяти, поскольку в 1968 г. самым младшим из них было уже 18 лет), лидеры, появившиеся на свет позже, относятся к поколению забвения: они не знают и не помнят в культурном плане мир до 1945 года, который в их представлении является как бы «годом 0» [16]. Их речи и обращения никогда не выходят за рамки этой даты. Результат очевиден: начиная с 1947 года СССР — это противник, а Россия — «вечный противник», потому что уже нет памяти о Сталинграде, о битве при Гумбинне в сентябре 1914 года, которая спасла

Париж, о Венском конгрессе, о Петре Великом и Екатерине II.

Более того, для этих поколений США являются чуть ли не единственным победителем во Второй мировой войне и единственным освободителем Европы. В 1945 году на вопрос: «Какая страна внесла наибольший вклад в поражение Германии?» 55 % французов ответили СССР и лишь 15 % — США, а спустя семьдесят лет воздействия пропаганды (особенно через кинематограф) и уничтожения исторической памяти — ровно наоборот [17].

Приведу пример: ни Франсуа Олланд, ни Эмманюэль Макрон в 2014–2018 годах ни в одной из своих речей ни разу не упомянули Франко-русский союз [19], хотя празднование столетия со дня окончания Первой мировой войны (1914–1918) во Франции длилось пять лет. Более того, все речи, посвященные этому периоду истории, как правило, содержали отсылку к событиям 1945 года, а День перемирия 11 ноября 1918 года (день подписания Компьенского перемирия, положившего конец военным действиям Первой мировой войны) теперь является Днем памяти павших без каких-либо уточнений. События того периода больше не имеют никакого значения [31]. Р. Дебре дал более точное объяснение: «Чем дальше мертвые, тем ближе далекие (= США)» [20].

Сегодня незнание нового поколения политических, экономических, медийных и культурных лидеров о довольно продолжительном общем французско-русском прошлом имеет катастрофические последствия. Современные лидеры находятся в плену идеологии и представлений холодной войны и своей недавней исторической и культурной зависимости от США и Великобритании. Они не способны представить себе другой мир, что позволило бы им провести сравнение с миром в 1914, 1814 или 1714 году.

Но вернемся к майским событиям 1968 года. В период с 1958 по 1968 год Ш. де Голль пытался восстановить французскую власть в том виде, в котором она существовала до 1914 года. Он мог это сделать, потому что сохранял память о том периоде, ведь культура — это прямой источник силы, как говорил Д. С. Лихачев. После свержения де Голля участники майских событий 1968 года начали стирать память о времени до 1945 года, когда Франция была великой, что

не позволило появиться новому де Голлю и начать все сначала с прежними амбициями.

Молодые лидеры не помнят о славном времени, поэтому считают, что Франция должна довольствоваться памятью о событиях 1945 года, которые им известны. Они не могут представить себе ничего другого. В данном случае память о Франко-русском союзе выходит за рамки отношения к России, так как в 1914 году этот военно-политический союз был одной из основ французской мощи. Новые лидеры не знают своего собеседника, «противника», не хотят понять его, что препятствует не только достижению мира, но и продвижению интересов собственных стран, в том числе экономических и коммерческих.

Здесь особенно важной представляется роль ученых, значимость которых в культуре подчеркивал Д. С. Лихачев [40]. К мнению настоящих ученых и французских специалистов по России (Б. Дрвенски, П. Гонно, А. Лавров, Ж. Сапир, А. Гроппо, Ж.-П. Арриньон и др.) руководители стран не прислушиваются, вместо этого они руководствуются мнением лжеэкспертов, даже таких влиятельных, как исследователь творчества Ф. М. Достоевского М. Ельчанинов. В 2015 году в своей книге «Dans la tete de Vladimir Poutine» он, выступив немного как шарлатан, написал, что для Европы существует вечная российская угроза: панславизм в XIX веке, коммунизм в XX, путинский неопанславизм (!) в XXI [21]. Его книга, несмотря на неубедительность некоторых выводов, была переведена на все языки стран НАТО и спешно переиздана в марте 2022 года. Такие лжеученые работы опасны для культуры и всего человечества. Вспомним в связи с этим формулу Огюста Конта: «Наука там, где есть предвидение; предвидение там, где есть действие». Если наука несовершенна, то и действия неадекватны.

Поэтому Россия воспринимается молодыми лидерами, не имеющими памяти, как чужая, варварская, новая страна, как будто она никогда не соседствовала с Европой и последние 300 лет с ней не обсуждался ни один важный вопрос. Именно в этом проявляется отсутствие культуры как краеугольного камня в основании мира и войны.

Французские лидеры в 2022 году в своем стремлении «отменить» русскую культуру и русские культурные символы зашли слишком далеко. Возник резонный вопрос: на что они могут надеяться в переговорах с Россией, если не знают эту страну? Не потому ли уже в феврале 2022 года натовские стратеги, которые одновременно ведут культурную и медийную войну против России, писали, что мира с РФ не будет до ее (маловероятного) поражения?

Эта проблема далеко не французско-российская, она также французско-арабская, французско-африканская, французско-вьетнамская, французско-бразильская и даже французско-польская, французско-венгерская и т. д. Особенно это касается тех стран, которые не соперничают с Францией и не испытывают враждебности по отношению к французам.

Таким образом, с 2007 года мы наблюдаем множество французских дипломатических кризисов (иногда острых), не имеющих под собой политической основы, причина которых кроется в культуре. История и культура почти полностью были удалены из поля зрения французских лидеров. Такая некомпетентность невежественных лидеров регулярно осуждается многими дипломатами и военными, которые оценивают тяжелые последствия этого решения [22].

Приведу пример. 26 июля 2007 года Николя Саркози выступил с речью перед африканцами во франкоязычном Университете Дакара, одном из лучших в Африке, в которой он, в частности, заявил: «Трагедия Африки заключается в том, что африканец недостаточно полно вошел в историю... В африканском воображаемом мире нет места приключениям или идее прогресса. В африканской вселенной, где природа контролирует все, человек избегает мук истории, от которых страдает современный человек; африканец остается неизменным среди постоянного порядка, где все, кажется, написано заранее».

Эта речь была составлена блестящим логографом Анри Гэно, но африканцы ее освистали [23] и она вызвала смех у Жака Ширака (1932 г. р.): «Африканец вошел в историю, более того, он первый, кто вошел!» Как стала возможна такая речь в государстве, которое выступает политическим и

культурным ориентиром для половины африканских государств и которое сохраняет на своей территории лучшую часть культурного наследия этих стран (шедевры искусства, записанные устные тексты, литературу, кино, африканистику и т. д.)? И как стало возможно, что пять лет спустя новый президент Франсуа Олланд (1954 г. р.) повторил по сути те же идеи (проявив такое же глубокое невежество) [24]? И как стало возможно, что в 2017 году Эмманюэль Макрон (1977 г. р.) обратился даже не к малоизвестной истории, а на этот раз к единственным событиям, известным его поколению (речь идет о Н. Манделе)? Все это можно сравнить со словами и действиями Жака Ширака, который умело завершил свой последний президентский срок открытием Музея на набережной Бранли, носящего его имя (или Музея искусств и цивилизаций Африки, Азии, Океании и Америк (неевропейских цивилизаций)). Восстановление французско-африканского музея позволило Шираку навести мосты и создать основу для диалога с Африкой.

Ответ на вопрос, как это стало возможно, связан со стиранием историко-культурной памяти: у Саркози, Олланда, Макрона и французских советников отсутствует память о франко-африканских взаимоотношениях XIX–XX веков, она заменена узкой евроамериканской памятью, которая не знает, что такое Африка и насколько сильна в ней французская, франкоязычная составляющая (см. африканскую ономастику), она одновременно франкофильная и франкофобная, настоящая «дочь Франции» в горе и радости.

Поколение французских лидеров, рожденных после 1950 года, не знает, что нигде в мире общественность так не восприимчива к французскому дискурсу, как во франкоязычной Африке. Современная французская элита уже не знает, что президент Центральноафриканской Республики Бокасса принимал участие в освобождении Франции и что Французская Экваториальная Африка в течение двух лет была единственной территорией «Свободной Франции» (1940–1942) с независимой французской армией (2-я бронетанковая дивизия генерала Ф. Леклерка де Отклока), чье эпичное путешествие по Африке привело к освобождению Франции в августе 1944 года, объединив в одном событии всю

франко-африканскую историю. Эта эпопея является центральной, поскольку дает ответ на жизненно важный вопрос о французской памяти: освободила ли Франция сама себя с помощью своей африканской армии или ее освободили англосаксы? И следовательно, должна она жить самостоятельно или в зависимости от «освободителей»?

В своей речи Олланд выразил желание посетить «Дом рабов» (Maison des Esclaves) на сенегальском острове Горе — музей и мемориал жертвам атлантической работорговли. Но он не знает, что именно жители этого острова продавали европейцам рабов, захваченных во внутренних районах Африки!

Отсутствие культуры делает французских лидеров бессильными даже перед своими африканскими духовными и культурными братьями. Неудивительно, что после пятнадцати лет культурной и исторической некомпетентности французские лидеры утратили свое влияние в Африке, как в Центральноафриканской Республике, так и в Мали, Буркина-Фасо, возможно, даже в Нигерии. Хотелось бы заметить, что не столько французская власть рушится, сколько французская некомпетентность и культурное невежество заставляют африканцев обращаться к другим партнерам, более умным и культурным. Такая слабость французских лидеров в краткосрочной перспективе может привести к катастрофе, потому что первой франкоговорящей страной в мире теперь стала Демократическая Республика Конго, и только франкоговорящая Африка все еще представляется большой зоной влияния для Франции и франкоговорящей культуры.

Таким образом, Франция становится провинциальной и более изолированной, чем когда-либо на протяжении тысячелетий. Франция больше не понимает Африку, потому что французские лидеры утратили существенную часть классической французской культуры, которая связывала их с африканскими странами. Сегодня в назидание именно Африка сохраняет классическую французскую ономастику 1900-х годов, в то время как Номо Euramericanus использует уже евроамериканские лексемы.

Д. С. Лихачев утверждал, что культура — источник силы: «Россия —

великая страна. Великая не своими территориями, не военной славой, даже не промышленностью и сырьевыми запасами, а прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру бессмертные произведения литературы, архитектуры, музыки, изобразительного искусства» [44]. Бескультурье, в свою очередь, — источник бессилия.

Нужно сказать несколько слов о людях, которые олицетворяют французскую культуру за рубежом, — дипломатах. Фактически за французским культурным кризисом лидеров последовал кризис французского Министерства иностранных дел (Quai d'Orsay) и дипломатии. С 2007 года, когда участник майских событий 1968 года Бернар Кушнер занял пост министра иностранных дел, дипломаты утратили всякую способность влиять на французскую дипломатию, которая отныне определялась президентом и узким кругом лиц, выбранных им [32].

Такое отодвигание дипломатов на задний план породило невежественность, отсутствие сдержанности и жесткость дипломатической политики после 2007 года (см. примеры в Ливии [34] и Сирии). В 2022 году эта политика была доведена до логического завершения с упразднением дипкорпуса. Это и есть триумф бескультурья. Таким образом, 2007-й следует считать годом перелома: поколенческого, культурного и кадрового. Здесь уместно привести слова академика Лихачева, что «культурные различия народов и неспособность к культурному взаимопониманию и взаимообогащающему диалогу культур стали одной из причин межэтнических и международных конфликтов XX столетия» [41].

Отсутствие культуры, памяти и знаний — это, по определению ученого Башлара, эпистемологическое препятствие, которое мешает прогрессу и поиску решения проблем.

Поэтому сегодня молодые представители французской политической элиты, теоретически образованные, но фактически невежественные, которые попили воды из реки Леты, вернулись к чистому листу, как подростки, которые открывают новое, ничего не зная.

С 1968 года мы наблюдаем установление неократии (или даже педократии) — режима, когда правят те, кто родился вчера, своего рода вечно молодые подростки, не знающие истории и культуры. Можно ли измерить опасность этой тенденции, которая затрагивает почти все общество?

Здесь можно упомянуть Огюста Конта, который является автором концепции трех состояний: теологического (когда человек воспринимает мир таким, каким он его себе представляет, «детство» человечества), метафизического (когда он рассматривает его таким, каким он должен быть, «отрочество» человечества) и позитивного (когда человек воспринимает его таким, какой он есть, «зрелость» человечества). Незнание правителями научных теорий показывает, что мы, очевидно, пребываем не в «позитивном» состоянии, а регрессировали к неократическому «метафизическому» или даже педократическому «теологическому» состоянию.

Это крайняя форма неспособности понять другого (= аутизм), выслушать его аргументы, какими бы они ни были. Такое состояние недалеко от дикости, являющейся отличительной чертой отсталого и необразованного «детства» человечества. Дипломатия в этом случае становится невозможной, и люди могут оказаться на поле боя только для того, чтобы убить друг друга. Когда культура гибнет, человек тоже вскоре погибает — такой закон Д. С. Лихачев вывел из своей экологии культуры.

«Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его „духовной оседлости“, для его привязанности к родным местам, нравственной самодисциплины и социальности. <...> Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культурной. И между ними нет пропасти, как нет четко обозначенной границы между природой и культурой» [42].

Европа в 2022–2023 годах отчетливо демонстрирует эту трагическую тенденцию: она движется к пропасти из-за отсутствия культуры.

Homo Euramericanus geopoliticus:

ЕС как гегемонистская империя без культуры и потому разрушительная

По словам Д. С. Лихачева, «если у людей, населяющих какую-то географическую территорию, нет своего целостного культурного и исторического прошлого, традиционной культурной жизни, своих культурных святынь, то у них (или их правителей) неизбежно возникает искушение оправдать свою государственную целостность всякого рода тоталитарными концепциями, которые тем жестче и бесчеловечнее, чем меньше государственная целостность определяется культурными критериями» [43].

Эта характеристика, пророчески сформулированная Лихачевым, в точности соответствует портрету ЕС, который мы наблюдаем с 2020 года. Настоящая Европа, очевидно, имеет богатую и древнюю культуру (включающую греческую, римскую, христианскую и индоевропейскую). Как писал Фридрих Ницше, «Европа существует только в ряде очень старых книг», в таких сокровищах, как «Илиада», «Одиссея», «Энеида», труды Платона, Евангелия, в общем легендарном наследии, собранном Перро, Лафонтеном, Гриммом, Андерсеном, Рыбниковым, Афанасьевым и т. д.

Несмотря на эфемерные попытки объединить бóльшую часть Европы (Франкская империя, Священная Германская империя, папская теократия XIII–XIV вв., австро-испанская, а затем австро-венгерско-германо-итальянская монархия Габсбургов, семейный пакт Бурбонов), каждое такое образование имело культурное прошлое, традиционные ориентиры и духовные святыни. Попытки создать единую Европу опирались на национальные традиции, но прежде всего на Римскую империю, истинную основу для двух частей Европы: латинско-католической и греко-православной. Следуя мысли академика Лихачева, можно утверждать, что сила и культурная древность, а значит, и легитимность этих имперских конструкций обеспечивали как уровень насилия, ограниченный уровнем культуры, так и бесполезность насилия как источника

власти.

Наполеоновская империя — это панъевропейская конструкция, гораздо более жесткая, чем ее предшественники, по причинам, указанным Д. С. Лихачевым: эта империя не имела стабильного культурного фундамента и не знала, чем она является на самом деле (французской, франко-итальянской, неокаролингской, неоримской империей или идеологической империей, воплощающей идеалы Французской революции и Просвещения).

После периода стабильности при Бисмарке (*Kleindeutsche Loesung*, малогерманский путь объединения Германии) Второй рейх в 1891 году вступил в культурный кризис, который постепенно привел к пангерманизму (*Grossdeutsche Loesung*, великогерманский путь объединения Германии). С 1915 года Второй рейх полностью утратил немецкие культурные ориентиры и стал покоряющей империей, которая поглотила Австро-Венгрию, аннексировала Польшу, Прибалтику, сделала сателлитами Румынию, Украину, Финляндию и больше не имела границ. Поэтому уровень насилия здесь был выше, чем во Французской империи.

Третий рейх отличался особенно высоким уровнем насилия по той же причине. Начиная с 1941 года он больше не имел культурной основы, это уже была не великая Германия, потому что она двигалась в направлении отдаленного Востока, который хотела аннексировать. В тот момент это была пангерманистская, то есть идеологическая, военная империя, которая не знала, где находится ее культурный центр: это по-прежнему Берлин и Пруссия, или арийская Скандинавия, или мифическая готская украинско-польская империя древнего короля Германариха, или неоязыческая империя? Ни одна культурная традиция не позволяла ей стать стабильной, этим объясняется ее разрушительное и саморазрушительное влияние.

Наконец, последней из панъевропейских конструкций является Европейский союз. После периода становления в рамках межгосударственного сотрудничества (Европейское экономическое сообщество в 1957–1993 гг.) он стал новым гегемонистским и экспансионистским союзом, но менее жестким.

Однако прежде всего следует сказать, что в основу Европейского союза не положен ни один элемент культуры.

Можно привести следующие доказательства. Символы, которые являются векторами культуры, в случае с ЕС не имеют значения. Флаг Европы с двенадцатью звездами — единственный используемый и признанный символ, который официально не отсылает ни к чему, кроме идеи абстрактного и неопределенного единства (при этом любая религиозная отсылка отвергается). Символ «€» — это всего лишь обозначение евродоллара. Что касается банкнот евро, то на них изображены архитектурные модели, не существующие в действительности. Эти символы, не имеющие отношения к реальности, являются образцовыми.

ЕС никогда не претендовал ни на принадлежность к Римской империи, ни на культурное или историческое ее наследие. Удивительно, что в древности имя Европа принадлежало нимфе (по легенде Зевс явился Европе, игравшей на берегу моря, в виде белого быка и похитил ее) и на протяжении XVII–XIX веков Европа изображалась в виде коронованной нимфы с мечом и глобусом (согласно иконографической традиции, установленной Ч. Рипа), ассоциируясь с престолом, короной, храмом, книгой, художественными и научными инструментами, то есть именно с инструментами культуры.

Идеологи ЕС объясняют: «Устаревшая, слишком герметичная сегодня, слишком христианская, имперская или даже империалистическая, слишком вооруженная и потому воинственная аллегория, кажется, была намеренно оставлена без изображений и обречена на забвение» [25]. Они могли бы добавить, что она также слишком европейская, культурная и правдивая.

Такие представления для Европейского союза являются настоящим отрицанием культуры. И чем дальше развивается ЕС, тем меньше у него культурных ориентиров. Именно европеист Франсуа Олланд в 2012 году запретил преподавание в школе древнегреческого и латинского языков. А есть ли что-либо более европейское, чем эти языки, которые объединяли все народы Европы на протяжении 2,5 тысячи лет?

Но это еще не все. Я несколько раз встречался с Филиппом Першоком — чрезвычайно влиятельным в социальном и политическом плане идеологом в Европейском союзе, ныне депутатом Европарламента, который считается главным лидером европоцентричного движения во Франции, прежде всего среди парижской элиты. Моя дискуссия с ним в 2010 году была посвящена символам и культурно-историческим ориентирам ЕС. Першок высказал мысль, что ЕС — это инновационный проект, который самодостаточен и поэтому не имеет культурных и исторических ориентиров. По его словам, у Европейского союза нет прошлого, он существует только в настоящем и будущем. ЕС основан на идеологии (либерализм, права человека, федерализм, идеология мира, то есть не пацифизм, а атлантизм) и международных договорах, которые составляются и применяются юристами, опирающимися на узкопрофессиональный технократический лексикон. Эта идеология, по словам ее главного идеолога, должна регулярно пополняться идеями и политическими устремлениями элит новых, присоединяющихся к ЕС стран, поскольку элиты все еще находятся под обаянием (для них футуристическим) проекта, а не его применения: «ЕС ведет себя как закомплексованный подросток, который не знает, что делать со своим меняющимся телом» [26]. Однако именно поиск новых идей и стремление получить их от стран, которые могли бы присоединиться к ЕС, обеспечит его рост и поможет осознать свою роль в мире.

Отсюда постоянный и опасный экспансионизм, который позволяет ЕС мериться силами с другими (Россией, Турцией, арабским миром, африканскими странами), чтобы подтвердить свою идеологию через победу: выборную, военную, смешанную (= цветная революция). Как неоднократно отмечалось в европейских СМИ и часто повторялось на Украине, в Грузии, Молдавии и других странах, «демократия победила, поэтому Запад и ЕС победили». В этом заключаются смысл существования и легитимность ЕС. Такой экспансионизм нельзя назвать мирным, и когда побеждает не он (например, в Турции, Беларуси, Сербии, России, на Украине), то на другую страну немедленно навешивается ярлык врага [27; 28], даже если это не соответствует действительности.

Более того, образ ЕС-«подростка» подтверждает идею неократии, о которой говорилось ранее, и может помочь понять нездоровое увлечение Номо Euramericanus гендерной теорией и ЛГБТ. Это свидетельствует об общем культурном регрессе французских лидеров к подростковому (и даже детскому) возрасту и инволюции.

Следуя логике Д. С. Лихачева, можно сделать вывод, что Европейский союз потенциально хуже и опаснее Третьего рейха, потому что у него нет даже культурной фантазии.

В 2021 году увидела свет книга историка Ж.-Г. Суту «Europa! Les projets europeens de l'Allemagne nazie et de l'Italie fasciste», в которой он описывает скрытую часть истории ЕС [29]. В частности, автор говорит, что впервые идея Европейского союза была воплощена в период Третьего рейха и что это был не только немецкий проект, в нем активное участие принимали итальянские фашисты, бывшие тогда реальной движущей силой. Причина этого вновь кроется в связи между культурой, легитимностью и насилием, выявленной академиком Лихачевым. Как и Второй рейх, объединенная Италия имела размытые культурные основы, поэтому идеи итальянского фашизма колебались между созданием итальянской нации и новой Римской империи. Именно вторая концепция, как показывает Суту, легла в основу первого варианта Евросоюза 1940-х годов.

Однако первый Европейский союз включал большое число западноевропейских католиков, центристов и социалистов, которые действовали самостоятельно. Именно они навязали всем идею о специфически европейском (антисоветском и антианглосаксонском) образовании, тогда как Третий рейх изначально был намного меньше (нордическим) и одновременно намного больше (всемирным), чем Панъевропейский союз.

Также следует отметить преобладание идей (а также людей) политической конструкции 1942 года и ЕС 1992 года, что демонстрирует архетипический пример Франсуа Миттерана (1916 г. р.) [30]. Эта история была забыта и стерта из памяти поколения людей, родившихся после 1950 года, но ее

потенциальное развитие, кажется, повторяется на наших глазах.

Сегодня химера ЕС, превратившаяся в гидру с бесчисленными головами, похоже, постепенно превращается в империю с тоталитарными тенденциями. Неизбираемая Европейская комиссия во главе этого политического образования, с 2020 года ставшего автономным и независимым от государств — членом ЕС и лишенного какой-либо культурной основы, начала превращаться в диктаторскую и воинственную технократию: сначала с либертицидным управлением, затем с подавлением массовых демонстраций против такой политики и, наконец, с воинственными выпадами вместе с ультранационалистической и культурно беспозвоночной Украиной против России, все еще опирающейся на свою культуру и глубокую историю.

Эта панъевропейская империя, не имеющая культурной основы и потому неустойчивая, называет НАТО (со штаб-квартирой в Брюсселе) своей системой обороны, хотя англосаксонские столпы данной организации не входят в ЕС. Мы имеем дело с культурно «блуждающей» империей: ни европейской, ни истинно англосаксонской, напоминающей о трех попытках жесткой гегемонии, предшествовавших ей.

В действительности ЕС — это всего лишь геополитическое зеркало Номо Euramericanus, человека без культуры, родины, границ. У него нет географической точки отсчета. Кто в ЕС может считать Брюссель настоящей столицей и центром? Брюссель — это город, разделенный надвое между валлонскими и фламандскими районами. США, город Нью-Йорк и штат Калифорния, не говоря уже о Лондоне, для лидеров ЕС в большей степени являются культурным центром, чем любое другое место в Евросоюзе. Таким образом, ЕС становится Евроамерикой, которая находится под угрозой присоединения к доминирующему культурному полюсу.

В целом Евросоюз — образование, которое избегает культурного измерения. Поэтому он возвращается к форме ультраархаического политического строительства, потенциально близкого к варварству из-за своей антикультурной основы и антиисторических неократических элит. Это не

Европа, а анти-Европа, потому что не существует никакой Европы, кроме культуры, истории и памяти. Идеология европейцев — либерально-либертарианская технократия. Они проводят политику европеизации своих членов. Другими словами, они осуждают все, что не соответствует этой идеологии, то есть европейским ценностям. Но кто поверит в то, что идеология, зародившаяся в 1970-х годах, имеет какое-либо отношение к Европе, ее трехтысячелетней истории и культуре?

В действительности каждый настоящий ученый и культурный человек в Европе является истинным европейцем. Именно таких людей сегодня не хватает, их оттесняют и заменяют Homo Euramericanus. Николя Саркози в 2007 году заявил, что «африканец недостаточно полно вошел в историю», но кажется, что элиты Франции и ЕС, то есть Homo Euramericanus, покинули ее навсегда.

Заключение

Д. С. Лихачев считал, что в XXI веке главная угроза культуре исходит от массовой культуры. Он не ошибся, но сегодня мы видим и другую, более глубокую и изначально менее заметную угрозу, которая является следствием пугающей антикультурной революции.

Идеи Лихачева позволяют правильно понимать ставшую фундаментальной проблему Homo Euramericanus. Последний — не просто культурный гибрид, а настоящий новый человек, особенность которого заключается в том, что он утратил память, забыл историю, а значит, и существенную часть своей культуры и не может больше понимать мир, в котором живет. Отсюда его полная зависимость от иностранцев.

Академик Лихачев считал, что культура не может долго существовать, если в ней отсутствует какая-либо часть. Все опасения Лихачева о потере культуры не только оказались верны, но и были реализованы нигилистически настроенным, варварским и теперь уже откровенно воинственным «новым человеком», который с 2007 года находится у власти во Франции. Тот факт, что он смог войти в среду французских лидеров, традиционно приверженных защите

высокой культуры, которые руководствовались рекомендациями Мальро, является зловещим знаком для всей европейской культуры, мыслей и действий.

Европа сегодня разделилась по вопросу войны, это произошло в основном потому, что ее западная часть, как это ни парадоксально, больше не является европейской, культурно она уже евроамериканская и ждет своей политической и экономической аннексии англосаксонским миром, что является логическим следствием. Действительно, как справедливо считал Д. С. Лихачев, единственный реальный базис общества — не экономика, а культура.

Литература

Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП, 2022.

Lesourd F. D. S. Likhatchev, Poetique historique de la litterature russe du Xe au XXe siècle. 1988.

Lesourd F. D. S. Likhatchev, Destin d'une histoire des mentalites en Russie // Revue russe. 1998. № 14. P. 13–21.

Ferry L., Renaut A. La pensee 68. 1988.

Рокplo О. Французский Май 68-го, дважды розовая революция: проанглийская ось Помпиду-Бендит против Де Голля // Мусиенко, Рокplo, Осипов. Привкус цветных революций. 2023.

Debray R. Comment sommes-nous devenus gallo-ricains? 2017.

<https://www.revueconflits.com/americanisation-influence-culturelle-regis-debray/> 09.12.2020.

Katoouh C. UE, une impasse politique et sociale // La Pensee libre. 2021, juin.
URL:
<http://la-pensee-libre.over-blog.com/2021/06/n-231-ue-une-impasse-politique-et-sociale.html>.

[1] <https://www.revueconflits.com/americanisation-influence-culturelle-regis-debray/> 9 XII 2020 (дата обращения: 16.03.2023).

[2] Интервью, данное автору голландским профессором В. Мамадух, 5 июня 2018 г.

[3] *Giroud F.* L'Express va plus loin avec Herbert Marcuse'V // L'Express. 1968. 23 IX. URL: https://www.lexpress.fr/politique/1968-l-express-va-plus-loin-avec-herbert-marcuse_2013310.html (15 XI 2021) (дата обращения: 16.03.2023).

[4] *Marcuse H.* Eros & Civilization (1955, 1966); *Marcuse H.* Tolerance repressive (1964).

[5] *Zemmour E.* Le Suicide français. 2014.

[6] <https://www.leparisien.fr/culture-loisirs/pedophilie-et-inceste-qui-sont-ces-intellectuels-qui-ont-longtemps-defendu-l-indefendable-05-02-2021-8423257.php> (дата обращения: 16.03.2023).

[7] *Debray R.* Civilisation. Comment nous sommes devenus américains. 2017. Chapitre III.

[8] https://www.tiktok.com/@guerrier_silencieux/video/7204917759312956677 (дата обращения: 16.03.2023).

[9] Ibidem.

[10] <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/dec/07/ukraine-culture-minister-boycott-tchaikovsky-war-russia-kremlin> (дата обращения: 16.03.2023).

[11] <https://www.standard.co.uk/news/uk/vladimir-putin-russian-international-paralympic-committee-nadine-dorries-culture-secretary-b985751.html> (дата обращения: 16.03.2023).

[12] <https://larepubliquedeslivres.com/sanctionner-la-russie-sans-bannir-sa-culture/> (дата обращения: 16.03.2023).

[13] Декларация прав культуры, §14.

[14] Декларация прав культуры, §14.

[15] <https://go.gale.com/ps/i.do?id=GALE%7CA419269524&sid=googleScholar&v=2.1&it=r&linkaccess=abs&issn=03017257&p=AQNE&sw=w&userGroupName=anon%7E6dc369a0> (дата обращения: 16.03.2023).

[16] Единственный заметный исключение — премьер Д. де Вильпен (1953

г. р.), который был у власти в конце срока Ширака. Но де Вильпен — профессиональный дипломат-историк, а значит, особый случай. Не случайно, что конец мандата Ширака — это также и падение Вильпена, единственного «молодого лидера» с исторической памятью.

[17] *Narochnickaja N.* Que reste-t-il de notre victoire? 2008.

[18] <https://www.elvsee.fr/francois-hollande/2014/08/03/declaration-de-m-francois-hollande-president-de-la-republiaue-sur-les-combattants-de-la-premiere-guerre-mondiale-la-reconciliation-franco-allemande-et-sur-les-efforts-en-faveur-de-la-paix-dans-le-monde-au-monument-national-du-hartmannswillerkopf-le> (дата обращения: 16.03.2023).

[19] <https://www.vie-publique.fr/discours/192935-declaration-de-m-francois-hollande-president-de-la-republique-en-homm> (дата обращения: 16.03.2023).

[20] *Debray R.* P. 80.

[21] *Eltchaninoff V.* Dans la tete de Vladimir Poutine. 2014. Эта книга, к сожалению, единственная «о России», которую прочитали французские правительственные советники, когда я работал с ними в 2017–2019 годах.

[22] *Malbrunot G.* Le declassement francais. Elvsee. Ouai d’Orsav. DGSE, les secrets d’une guerre d’influence strategique. 2022;
<https://www.revueconflits.com/georges-malbrunot-declassement-francais/>;
https://www.lemonde.fr/idees/article/2010/08/24/le-quai-outil-vital-d-une-diplomatie-efficace-par-francois-scheer-bertrand-dufourcq-et-loic-hennekinne_1402148_3232.html (дата обращения: 16.03.2023).

[23] http://africultures.com/lafrigue-de-nicolas-sarkozv-6784/?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=534;
http://africultures.com/france-afrique-ces-sottises-qui-divisent-6819/?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=534 (дата обращения: 16.03.2023).

Другие ссылки:

<https://africultures.com/lafrigue-de-nicolas-sarkozy-6784/>;

<https://africultures.com/france-afrique-ces-sottises-qui-divisent-6819/>.

[24] <https://www.jeuneafrique.com/173903/politique/france-afrique-le-texte-du>

-discours-de-dakar-prononc-par-fran-ois-hollande/ (дата обращения: 16.03.2023).

[25] <https://ehne.fr/fr/encyclopedie/th%C3%A9matiques/les-arts-en-europe/repr%C3%A9sentation-de-l%E2%80%99europe/repr%C3%A9sentation-de-l%E2%80%99europe> (дата обращения: 16.03.2023).

[26] <https://voxeurop.eu/fr/lutopie-est-a-nos-portes/> (дата обращения: 16.03.2023).

[27] *Patten C.* Russia's hell-hole enclave. There is a centre of organised crime in the middle of Europe // *The Guardian*. 2001. Apr. 7.

[28] *Roqueplo O.* La Russie et son miroir d'Extreme-Occident. 2018. Chapitre IV.

[29] *Soutou H.-G.* Europa! Les projets europeens de l'Allemagne nazie et de l'Italie fasciste. 2020.

[30] Миттеран был правым французским адвокатом-католиком и высокопоставленным государственным служащим, который верно служил вишистскому режиму во времена франко-нацистского сотрудничества, затем стал антикоммунистическим социалистом, поддержал Май 1968-го, окружил себя участниками и сторонниками Ренсée 68, когда стал президентом в 1981 году, и решительно посвятил себя строительству ЕС, подписав Маастрихтский договор в 1992-м. Его, казалось бы, противоречивая карьера вполне последовательна с точки зрения европеизма.

[31] Подобное равнодушие французских лидеров уже наблюдалось во время празднования двухсотлетия наполеоновских времен (1998–2021). В то время как население и мэры организуют очень популярные мероприятия, парижские лидеры забывают или отказываются отмечать даже битву при Аустерлице в 2005 году (когда премьер-историк Вильпен находится в командировке), частично под влиянием черно-карибских идеологов (Клод Рибб). Это вызывает возмущение только двух депутатов, один из которых — корсиканец. См. конференцию Ж.-О. Будона: «Памяти Наполеона», 18 августа 2021 г. URL: <https://www.revueconflits.com/jacques-olivier-boudon-commemorations-napoleon-sartene/> (дата обращения: 16.03.2023).

[32] *Malbrunot G.* Le declassement francais. Elysee, Ouai d'Orsav, DGSE, les secrets d'une guerre d'influence strategique. 2022. <https://www.revueconflits.com/georges-malbrunot-declassement-francais/>; https://www.lemonde.fr/idees/article/2010/08/24/le-quai-outil-vital-d-une-diplomatie-efficace-par-francois-scheer-bertrand-dufourcq-et-loic-hennekinne_1402148_3232.html (дата обращения: 16.03.2023).

[33] *Valentin P.* Lideologie woke, T1–T2. 2021.

[34] *Манэль В.* Революция 17 февраля в Ливии (2011 г.): сепаратизм, исламизм, колониализм и Аль-Джазира подрывают великую державу Африки // Мусиенко, Рокplo, Осипов. Привкус цветных революций. 2023.

[35] *Лихачев Д. С.* Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 65.

[36] *Лотман Ю. М.* Культура и информация // Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры. Тарту : Тартуский ун-т, 1970. С. 11.

[37] Декларация прав культуры, § 1б, § 14в, г.

[38] *Лихачев Д. С.* Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 28.

[39] Декларация прав культуры, § 14л.

[40] Декларация прав культуры и ее международное значение.

[41] Декларация прав культур, Преамбула.

[42] *Лихачев Д. С.* Экология культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 486–487.

[43] *Лихачев Д. С.* Многомерное и целостное видение культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 22.

[44] *Лихачев Д. С.* Великая культура примирительна по своей сути // Дни науки в Университете. Избранное. СПб. : СПбГУП, 2007. С. 10.

[45] Там же. С. 55.